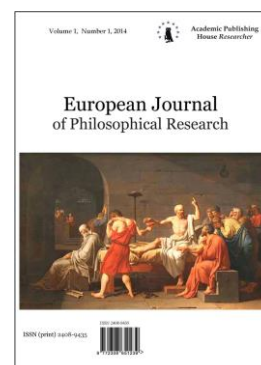

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 40-53

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.40
www.ejournal17.com

Civilization Specifics of the Soviet and Modern Russia

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis the problem of civilization ownership of Russia. It is solved on the basis of use of the author's (institutional) version of civilization approach. According to it, the history Russia had three civilization embodiments: "an orthodox civilization", "a hybrid civilization moderny like" Romanov' empires and the "Soviet civilization" representing special type of industrial development. The paper analyzes the objective and subjective prerequisites of formation in the Soviet Russia "administrative – command" ("party – state") models of socialism, the reason of its support by most of party members and considerable part of the people. Such is specifics of transition to socialism of all societies of agrarian and agrarian-industrial type, with undeveloped democratic traditions and institutes, economy and low cultural level of most of workers inherent in them. Modern Russia, certainly inherits it. But it doesn't has political and religious metaideology uniting the people, and in contrast to the United States, it doesn't claim on global domination. More likely, it represents *civilization to a pseudomorphosis*, fancifully combining elements of antiquity, the Soviet past and the preset.

Keywords: bolshevism, state, democracy of the empire, modernization, socialism, civilization.

Введение

Невзирая на многовековые и многократные усилия России стать полноправной европейской державой, до сих пор ей это не удастся. По многим причинам, главная из которых – принадлежность страны к иной, нежели большинство стран "большой Европы" (США, Австралия, Канада и др.), не евроатлантической цивилизации, способность которой играть по сформированной "большой Европой" международным правилам постоянно ставится под сомнение. Но в чем цивилизационная специфика России – об этом со времен Данилевского и до сей поры идут оживленные споры. Иные договариваются до того, что объявляют Россию "варварской цивилизацией" (Яковенко, 1995). Другие, а их большинство, подчеркивают неоднородность российской цивилизации, вместившей в себя и Восток, и Запад, напоминающей человека, рожденного в смешанном браке. (Сурков, 2018). Резоны для этого, безусловно, есть. Но неопределенность ситуации усугубляется отсутствием в научной среде общепринятого понимания термина "цивилизация". В научной литературе сосуществуют, успешно конкурируя между собой, десятки определений "цивилизации". Поэтому в дальнейшем я буду опираться на восходящую к Питириму Сорокину трактовку, в пределах которой понимание цивилизаций базируется на их интерпретации как

* Corresponding author
E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Y.D. Granin)

«социальных общностей», сложившихся «на основе центрального ядра, состоящего из культурных смыслов, ценностей и норм, которые и служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей». Поскольку в большинстве случаев территория распространения цивилизации включает в себя не один, а несколько различных в культурном плане народов (этносов), постольку необходимым условием устойчивого существования цивилизации является *метаидеология* – разделяемые большинством представления и универсалии ("картины мира" – природного, социального), соответствующие им и господствующим практикам смыслы, ценности и нормы жизни. В их перечне важную роль занимают так называемые геополитические (во много сакральные) "панъидеи", – дискурсивно оформленные и ценностно значимые представления о центральном (вселенском) положении "своей" цивилизации (римской, китайской, русской и др.) на воображаемой карте ментальной географии.

При этом следует иметь в виду, что цивилизация это не только «оплотневшая» в центральном ядре, кристаллизовавшаяся в политических, экономических и иных практиках *метакультура* и корреспондирующая с ней *метаидеология*, «осевшая» в некоторых долговременных ценностях и мыслительных парадигмах, но и некое *социокультурное целое, образованное соединением «культурного ядра» со многими социальными институциями и институтами и закрепленное ими*. Одним из таких, политических, институтов является «государство», которое, будучи одновременно и отделенным от основной части «общества» (населения) системой власти, в свою очередь оказывается *политической формой* организации и распространения входящих в цивилизацию локальных социумов и, как правило, всей «цивилизации». В последнем случае наиболее успешной государственной формой и фактором распространения цивилизации на большие расстояния во многих регионах исторически оказывались "универсальные государства" – "царства" и "империи" (Гранин, 2006а, 2006б, Гранин, 2013). Хотя, понятно, что цивилизации в качестве *социокультурных типов развития* географически очень часто перешагивают многие государственные границы, являясь для народов иной цивилизационной принадлежности неким "образцом развития".

Имея в виду эти соображения и рассуждая о цивилизационной специфике современной России, следует помнить, что за одиннадцать столетий на изменяемом географическом пространстве, вместившем в себя сначала Киевскую и Московскую Русь, а затем и имперскую Россию, образовались и распались несколько цивилизаций (Гранин, 2007). Для которых Запад не всегда был образцом развития, а "идея приблизится к нему – догоняющей моделью модернизации, индустриализацией, капитализмом – целью, которую надо выполнить» (Федотова, 2009: 15).

Вполне отчетливо в сознании элит и интеллигенции России эта цель возникает лишь во второй половине 19 столетия. За исключением демократизации политической сферы общества и формирования "нации", вначале XX века эта цель была достигнута: Россия твердо стала на путь капиталистического развития. Собственно, тогда же, к концу XIX – началу XX века завершается формирование "культурного ядра" новой *российской цивилизации современного типа*, давшей миру великую русскую поэзию и прозу, великую музыку и живопись, великую науку, архитектуру и балет (Гранин, 2018; Гранин, 2003). Но поскольку многомиллионное русское и "иностранное" крестьянство, практикующее архаические формы жизни и мысли, составляло подавляющее большинство населения империи, на окраинах которой формировался и укреплялся польский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, эстонский и иной "этнический национализм", обострялись социальные и экономические противоречия, *эта цивилизация имела гибридный характер*, идеологическую специфику которой уже тогда выразило евразийство. Она двигалась навстречу "большой Европе". Но русские революции и первая мировая война оборвали это движение. И Россия вновь, если пользоваться терминологией А. Янова, проваливается в пропасть контрреформы, завершившейся гражданской войной и образованием СССР, который начал индустриальную модернизацию страны на принципиально новой экономической и политической основе, но опять-таки при определяющей роли государства. На обломках царской империи *возникла империя нового типа* – советская империя "положительной деятельности" (Ливен, 2007), которой за короткое время удалось создать новую "советскую цивилизацию", основанную на

административно-командной государственной экономике и однопартийной системе. О ней и эволюции моделей ее строительства далее пойдет речь.

Основное содержание

Социальная революция, понимаемая как качественная перемена общественно-политического и экономического строя, не заканчивается взятием и удержанием власти. Она продолжается вплоть до окончательного утверждения той модели развития, которая становится доминирующей на многие десятилетия. Так что Великая Октябрьская революция продолжалась в плоть до 1929 года, включив в себя и попытку организации народного хозяйства на манер "почтового ведомства" (Ленин), и политику "военного коммунизма" и период НЭПа – товарно-денежной формы рыночного социализма, поддержанной многомиллионным крестьянством, и позволившей уже к 1923 году накормить "город" и отодвинуть казавшийся неизбежным крах политического режима. Начиная с 1922 года последний дрейфовал в направлении к либерализации и внутрипартийной демократизации, чему способствовали последние работы Ленина и поддержка ряда его идей Львом Троцким, который видел себя его приемником.

Надо заметить, что период 1922-1928 годов характеризуется не только отсутствием жесткого партийного диктата в экономике, но и идеологического прессинга в сферах науки и массовой культуры. В области промышленного производства предлагалось передать функции управления профсоюзам ("школам коммунизма"), объединить Рабкрин и ЦКК, усилить роль советов депутатов, а в науке, литературе и других видах искусства ограничиться переубеждением ("перековкой") "буржуазных элементов" и "попутчиков". Так, в Резолюции ЦК КПСС от 18.06.1925 г. "О политике партии в области художественной литературы" была выдвинута идея творческого соревнования различных литературных группировок в области литературной формы. В этом же году ЦИК и Совнарком (возглавляемый Дзержинским) приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Советского Союза». Не случайно именно 1920-е годы (до 1929-го) характеризуются ярким всплеском развития науки, литературы и искусств в СССР. Конкуренция и плюрализм форм собственности, научных школ и разных художественных направлений открывали возможность формирования относительно либеральной (на манер современной китайской) формы движения к социализму.

Но случилось иначе. В СССР утвердилось административно-командное государство, на протяжении десятилетий сковывавшее экономическую, политическую, духовную инициативу своих граждан, подавлявшее все возможности обретения ими личных прав и свобод. Чем это было вызвано? Только ли политической борьбой в руководстве партии и государства после смерти Ленина, волюнтаризмом и теоретическими просчетами Сталина, его «бонапартизмом» и всепоглощающим стремлением к неограниченной власти?

Современные ученые и публицисты нередко обращают внимание именно на эти факты нашей политической биографии. Тем самым вольно или невольно связывая формирование «государственно-административного», «командного» социализма только с той ролью, которую сыграл Сталин в нашей истории. Споры нет: роль личности Сталина, его сподвижников в деформации страны первостепенна. Но, признавая это, мы, тем не менее, обязаны осмыслить весь опыт истории СССР в его многообразии и противоречивости. И тогда, по-видимому, придется согласиться с тем, что появление у нас административно-командной формы социализма и соответствующей ей «советской цивилизации» не было случайным «зигзагом истории». Скорее всего, здесь мы имеем дело с конкретно-исторической закономерностью перехода к социализму обществ аграрного и аграрно-индустриального типа, с присущими им неразвитыми демократическими традициями и институтами, экономикой и низким культурным уровнем большинства трудящихся.

Могут ли такие общества без поддержки извне, форсируя в силу многих исторических обстоятельств темпы социалистических преобразований, сразу перейти к социализму гуманного, демократического типа? Изучение более чем показательного исторического опыта России, Китая и Кампучии дает отрицательный ответ на этот вопрос. Но мы не поймем нашего прошлого до тех пор, пока будем продолжать анализировать лишь политический реваншизм Сталина, которому удалось «подмять под себя партию», «добиться ее деформации» (*Партия и перестройка, 1988*). Скорее всего, так оно и было.

Однако эта эмпирическая констатация не избавляет от необходимости объяснить, почему партия и народ не только позволили узурпировать власть одному человеку, но и одобрили его тезис «обострения классовой борьбы», поддержали его политику «закручивания гаек», «чисток», администрирования и командования, курс на государственный социализм.

Достаточно поставить этот вопрос, как сразу становится очевидной необходимость выхода на более широкое поле исследования. А именно: в плоскость конкретно-исторического анализа социальных, культурных, психологических и иных предпосылок той идеологической ситуации в сфере общественного сознания, которая сложилась в стране к концу 20-х годов и была использована партийно-государственной бюрократией, в первую очередь – Сталиным и его ближайшим окружением в их борьбе против демократической тенденции развития советского общества. Что же это была за ситуация, благодаря которой Сталин выиграл борьбу с оппозицией и в кратчайшие сроки завершил строительство административно-командного социализма? Какие факторы спровоцировали ее возникновение?

Феномен "грубого коммунизма". Не в последнюю очередь это связано с тем, что сталинское видение социализма как общества с пирамидально-иерархической организацией системы власти, с разделением на «вождей» и «массы», прогрессирующим огосударствлением уже в первой половине 1920-х получило теоретическое обоснование в работах Л. Троцкого, Е. Преображенского и отчасти «раннего» Н. Бухарина. Но дело не только в теоретических аргументах за командный стиль и методы руководства обществом, хотя и они, конечно, сыграли свою, пусть и не определяющую роль.

Гораздо важнее то, что такое видение нового строя во многом совпало с теми вульгарными представлениями о сущности социализма и «грядущего со дня на день коммунизма», что имели самое широкое хождение в сознании беднейших социальных слоев города и деревни, большинства рядовых членов партии. В этой связи следует признать прозорливость ленинской мысли о безотложной необходимости развертывания культурной революции в стране, население которой было почти поголовно неграмотным, не имело опыта жизни в условиях буржуазной демократии и, следовательно, находилось значительно ниже того уровня цивилизованности, которым обладали народы, прошедшие, по выражению Ленина, более чем двухвековую «школу» капитализма (Ленин, 1969с: 214-215). Эта необходимость была вызвана не только нуждой в людях, умеющих читать и писать, владеющих начальными знаниями в естественных науках и, тем самым, способных овладеть современной техникой и технологией, а значит – поставить советское общество на рельсы индустриального развития. Речь шла и о более серьезных вещах, более масштабных задачах: об освоении народом всех тех культурных богатств, которые выработало человечество, без чего действительное содержание марксистской теории и идеологии не могли быть правильно восприняты массами.

Без всякого насилия над исторической правдой можно утверждать, что, будучи привнесенными в сознание религиозного, почти неграмотного, ведущего в основном патриархальный образ жизни, сельского населения и малообразованного пролетариата, коммунистические идеалы претерпевали существенные деформации. Массовое сознание «подрабатывало» социалистические и коммунистические лозунги, «опускало» до собственного уровня понимания, явно и скрыто искажая их первоначальное содержание. Искажение шло по линии упрощения коммунистического учения до грубых, примитивных форм. Социалистическая и коммунистическая фразеология сохранялась, но содержание терминов менялось весьма радикально, иногда - до неузнаваемости. К сожалению, у нас нет отечественных исследований, посвященных изучению социально-психологических механизмов, посредством которых неразвитое, пронизанное традиционными ценностями общественное сознание ассимилирует и обрабатывает по «своей мерке» передовые идеи. Но обратившись к творчеству Андрея Платонова, Михаила Булгакова или Максима Горького, можно наглядно убедиться, какой убогий, нередко химерический вид приобретали марксистские идеи «свободы» и «равенства», попадая в головы малограмотных и некультурных людей.

Приведу лишь один отрывок из повести М. Булгакова «Собачье сердце». Происходит весьма показательный застольный разговор Полиграфа Шарикова с профессором Преображенским и доктором Борменталем, в ходе которого выясняется, что их подопечный

читает переписку Энгельса с Каутским:

"Филипп Филиппович локти положил на стол, взгляделся в Шарикова и спросил:

— Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного?

Шариков пожал плечами.

— Да не согласен я.

— С кем? С Энгельсом или Каутским?

— С обоими, — ответил Шариков.

— Это замечательно, клянусь богом (...) А что бы вы со своей стороны могли предложить?

— Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять все, да и поделить..

— Так я и думал, — воскликнул Филипп. Филиппович, шлепнув ладонью по скатерти, — именно так и полагал» (Булгаков, 1987: 118).

У Булгакова профессор Преображенский не случайно восклицает именно в этом месте диалога, ибо, как и любой культурный человек, знакомый с марксизмом, он вполне понимает весь мрачный комизм фразы люмпена Шарикова о «дележе». "Пролетарский" писатель Максим Горький, как и персонаж Булгакова, тоже не любил пролетариат. Но с еще большим подозрением (и отвращением) он относился к российскому крестьянству, считая его анархистской стихией, где идея "отнять и поделить" доминировала на протяжении веков (Горький, 1922).

Но идея «дележа» или, иначе говоря, «уравниловки» - это сквозная идея того самого примитивного, грубого коммунизма, об опасности распространения которого в среде рабочего класса и среде неграмотных крестьян предупреждал еще в начале 1840-х годов Маркс. Он же и подверг его беспощадной критике в "Философско-экономических рукописях 1844 года". В чем же заключается согласно Марксу опасность, «грубого», казарменного коммунизма?

Прежде всего – в его утопии и антигуманизме, которые и в теории, и на практике ведут не к ликвидации отчуждения человека труда от плодов экономического, социального и духовного прогресса, а к ограничению его свободы в качестве суверенной индивидуальности, все более полному его подчинению власти государства. Несмотря на то, что в основе идеологии «грубого» коммунизма лежит вполне справедливое стремление трудящихся к «упразднению частной собственности», это упразднение, как показывает Маркс, базируется на таких социально-психологических чувствах, как «зависть» и «жажда нивелирования» всех под лозунгом «равенства». Будучи теоретически подкрепленными коммунистической фразеологией, эти чувства получают завершение в стремлении «уничтожить все то, чем на началах частной собственности не могут обладать все», где «...категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей...» (Маркс, Энгельс, 1955: 114). Подобное «упразднение частной собственности», по Марксу, есть не действительное, а лишь формальное обобществление, при котором частная собственность преобразуется фактически во «всеобщую частную собственность». Для такого рода коммунизма «общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» (Маркс, Энгельс, 1955: 114), представителем которой в фетишистском сознании политически и культурно отсталых людей выступает государственный аппарат, занятый уравнивательным распределением совокупного общественного продукта.

К сожалению, небольшой объем статьи не позволяет более подробно воспроизвести марксов анализ феномена «грубого» коммунизма. Но и из приведенных цитат видно, что, возникая в определенной социальной среде, эти представления о «коммунистическом» состоянии общественного устройства лишь формально имеют нечто общее с учением основоположников научного коммунизма. Содержание же, как я уже отмечал, меняется радикально: «равенство» замещается «уравнивательностью», социальная «свобода», понимаемая как такое состояние общества, при котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», неожиданно трансформируется в уравнивательный «коллективизм», «общественная собственность» – в «государственную»...

Важно подчеркнуть, что такого рода «коммунистические» представления и ожидания не случайны. Они закономерно возникают в аграрно-индустриальных обществах и особенно живучи среди беднейших слоев народа. Но не только среди них. Идеи «грубого» коммунизма в несколько измененной форме – форме «казарменного» социализма – произрастают и на интеллектуальной почве: в сознании тех революционеров, которые в условиях кровопролитных классовых боев теряют из виду, как считал Маркс, конечный общечеловеческий, гуманистический смысл и предназначение пролетарской революции. Их заслоняют промежуточные (узкоклассовые) цели и задачи, реализация которых в действительности совсем не приближает достижение коммунистического состояния общества. Конечные и промежуточные цели, цели и средства их достижения в этом случае как бы меняются местами. А что в результате? В результате построение нового общества мыслится не как дело рук самих трудящихся (Ленин), а как дело партии, при этом ее руководящая роль понимается не иначе, как командный диктат в отношении всех общественных организаций, свобода выбора трудовой деятельности заменяется принудительной «трудовой повинностью», и в итоге возникает такая теоретическая модель социализма, в которой человек – не более чем «винтик» огромной государственной машины, построенной якобы для его же блага и во имя «светлого завтра». «Путь к социализму, – писал Троцкий в работе «Терроризм и коммунизм» (1920 г.), – лежит через высшее напряжение государства ... Никакая другая организация, кроме армии, не охватывала в прошлом человека с такой суровой принудительностью, как государственная организация рабочего класса в тягчайшую переходящую эпоху. Именно поэтому мы говорим о милитаризации труда» (Цитир. по: Клямкин, 1989: 222).

Модель «казарменного» социализма не выдерживает серьезной теоретической критики. Но ее нельзя также считать и плодом «воспаленного воображения», например, того же Льва Троцкого, в лице которого она имела своего наиболее верного почитателя. Следует подчеркнуть, что идеи администрирования и командования вырастали из самой практики первых лет пролетарской революции. Речь идет не только о периоде «военного коммунизма» и гражданской войны, но и о времени перехода к новой экономической политике. По свидетельству историка М. Н. Покровского, победа в гражданской войне породила у многих коммунистов надежду, «что дело пойдёт так же быстро и в хозяйственном строительстве, стоит только пустить в ход военные приемы». (Покровский, 1929: 375). При этом надо помнить, что большинство народа находилось, как писал Ленин, «вне политики» партии и Советского государства. А это означало не что иное как объективную невозможность непосредственного перехода к обществу демократического социализма. Ибо «социализм не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами» (Ленин, 1969b: 53, курсив мой – Ю.Г.).

Пожалуй, именно Ленин как никто другой осознавал масштабы той опасности для дела развития демократии в стране и самой партии, которая коренилась в необходимости управления страной от лица народа достаточно узким кругом людей из состава «старой партийной гвардии». Ведь немало их искренне верило в эффективность административно-командных методов и управленческих структур. Сталин относился к их числу. Несмотря на то, что в дискуссии о профсоюзах он поддерживал ленинскую критику плана Троцкого и потом неоднократно (в печати и устно) выступал против него, все же объективно он стоял на позициях своего главного политического противника. В конце концов, Сталину удалось воплотить в жизнь ту самую административно-командную программу строительства нового общества, основополагающие принципы которой были сформулированы именно Троцким.

Удалось – не вопреки, как принято считать, мнению большинства руководства и рядового состава партий, народа, а благодаря ему. Почему же, осудив программу Троцкого, большинство в партии поддержало Сталина и его ближайшее окружение, когда они в конце 20-х годов выступили против нэпа, взяли курс на демонтаж демократических структур, выехали на дорогу государственно-командного социализма?

"Организационный фетишизм" и двухцветное мышление. Известно, что даже при жизни Ленина в партии и ее ЦК не существовало полного единства мнений ни по одному из ключевых вопросов строительства нового общества. И это понятно, ведь жизнь богаче любой теории, а социалистического опыта, на который можно было бы опереться, тогда не было. Поэтому всякое принимаемое советским правительством решение, по

существо, было шагом в неведомое, все последствия которого, по словам Ленина, не могли бы предсказать и семьдесят марксов. Отсюда – неизбежные тогда дискуссии и споры по коренным проблемам внешней и внутренней политики.

После смерти Ленина революции у руля государства осталось, как иногда писали "самое образованное в мире правительство". Но остались и разногласия, и сложнейшие проблемы, решать которые надо было безотлагательно. В этих условиях, когда политика партии определялась не ее составом, а, как указывал Ленин, громадным «авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией» (Ленин, 1969е: 20), опасность фракционности, раскола в ее рядах была особенно велика.

Нередко можно услышать и прочесть, будто бы именно в этот период, стремясь сохранить единство партийных рядов, «старые большевики старались избегать всяческих конфронтаций», сознательно «шли на самоограничения при прояснении принципиальных вопросов» (Щетинов, 1989: 7). Но эта мысль верна лишь применительно к концу 20-х годов. А в начале все обстояло как раз наоборот! Выросшая в атмосфере творческих дискуссий и плюрализма мнений, партийная гвардия, выполняя резолюцию X съезда РКП (б) «О единстве партии», трактовала ее в ленинском духе. Непременное согласие с большинством по коренным политическим целям не отрицало критики недостатков деятельности руководства партии, разногласий и дискуссий в области теории. В те годы для многих ветеранов партии, занимавших ключевые посты в государстве, Ленин не был «теоретическим богом». Высокообразованные и талантливые, мыслящие самостоятельно и нешаблонно, Н. Бухарин, Г. Зиновьев, Л. Камёнев, Г. Кржижановский, Е. Преображенский, Ю. Ларин, А. Чаянов и многие другие в своих работах в ряде случаев противоречили Ленину.

«Не ошибался» и «не противоречил» только один – Сталин. После смерти Ильича, провозгласив его «гениальнейшим из гениальных», «горным орлом нашей партии», он во всех своих публичных выступлениях и теоретических работах старательно подчеркивал свою идейную связь с Лениным, строго и буквально «следовал» ленинским текстам. Откройте Собрание сочинений Сталина. Почти каждая страница пестрит вырванными из контекста ленинскими цитатами, которыми «корифей науки» подкреплял свои программные положения, освящая их ленинским авторитетом и превращая тем самым в партийный канон. Но, как теперь уже общеизвестно, суждение о Сталине как «Ленине сегодня» было глубоко ошибочным. Ведь не кто иной, как Сталин ещё при жизни Ильича неоднократно выступал с проектами и предложениями, существенно расхопившимися с ленинской позицией. Это именно против его проекта была направлена одна из последних работ уже смертельно больного Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации», которая была преступно скрыта от партии и увидела свет только после XX съезда КПСС.

Известная характеристика Троцким Сталина как «самой выдающейся посредственности нашей партии» не верна по крайней мере в одном отношении. В области политических комбинаций и прогнозов Сталин мог дать не одно очко вперед любому из блестящей плеяды современных ему деятелей. Вспомним хотя бы, как ему удалось провести на XIII конференции РКП(б) 7-й пункт резолюции X съезда, который предусматривал как крайнюю меру исключение из партии фракционеров (вплоть до членов ЦК) и который до этого не был опубликован. Судя по всему, тогда, в январе 1924 года, ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Каменев, ни другие лидеры не представляли себе политической значимости этого решения, которое Сталин впоследствии использовал как дубину в расправе с ними, а еще позже – со всеми инакомыслящими.

Жизнь шла вперед, ставя в повестку дня новые вопросы, на которые не было готовых ответов. И чем больше их было, чем шире разворачивалось обсуждение, сталкивались альтернативные взгляды, тем больше укреплялся авторитет Сталина как единственного и последовательного марксиста-ленинца. Всегда и везде выдавая свою точку зрения за мнение Ленина, он в конце концов добился своего: те, кто выступал против его понимания характера и методов руководства страной, оценивались в широких партийных кругах крайне негативно и как бы автоматически зачислялись в разряд антиленинцев – «ревизионистов» и «уклонистов» всех мастей и, оттенков.

Следует прямо сказать, что Сталин был не одинок в своем мнении об эффективности административно-командной системы управления. Многие в партийном руководстве и госаппарате, среднем звене его поддерживали. И не только по соображениям политической

карьеру. Для этого были и иные – объективные – предпосылки. Время «военного коммунизма» и перехода к нэпу, будучи периодом интенсивных революционных преобразований, обнаружило исключительно высокую роль организационного фактора. Иногда столь значительную, что Ф. Э. Дзержинский даже констатировал возникновение феномена «организационного фетишизма» (Дзержинский, 1977: 491-492). И это очень верная оценка. Потому что административно-командная структура управления обществом и государством начала формироваться в первые годы революции, и к середине 20-х годов она уже имела достаточно прочный фундамент, позволивший ей со временем перейти в новое – системное – качество.

Впрочем, иначе и быть не могло. Без воплощения в жизнь политики «военного коммунизма», без диктатуры центра, достаточно жестко контролирующего положение на местах, большевики в тот период просто не смогли бы удержать власть. Кроме того, обстоятельства сложились так, что задача революционного слома старой государственной машины не была решена окончательно. Ибо, как писал Ленин, «аппарат мы, в сущности, взяли старый, от царя и помещиков» (Ленин, 1969д: 357). Не следует забывать и того, что осуществление новой экономической политики происходило в условиях, когда ключевые посты в низовых и средних звеньях управления заняли партийцы с «красно-белым» мышлением, привыкшие за годы гражданской войны повелевать и командовать. И в высших эшелонах власти многие разделяли командный стиль руководства, поддерживали курс Троцкого на «казарменный» вариант социализма. Если учесть все это и многое другое, то становится понятным по крайней мере одно: не только Сталин (хотя его роль громадна) был творцом административно-командной системы. Скорее он был ее «крестным отцом», выразителем той достаточно сильной политической тенденции к казарменной форме социализма, которая – прежде всего в лице аппарата – выступала против демократической альтернативы развития.

Думаю, что в противоборстве этих двух тенденций первая победила не только благодаря поддержке значительной части партийного, государственного и хозяйственного аппарата. Главное, что позволило Сталину одержать верх над своими оппонентами, а затем сохранить и упрочить административно – командные структуры, заключалось в достаточно мощной поддержке определенных социальных сил, тех общественных групп, среди которых идеи «вульгарного», «грубого» коммунизма были распространены особенно широко.

Расстановка социальных сил в стране и партии. После гражданской войны, политики «военного коммунизма» и перехода к нэпу эти бедняцкие иллюзии и ожидания скорого наступления коммунистического «завтра» отнюдь не угасли. Еще были памятны времена политики «комбедов», в обязанность которых в соответствии с декретом ВЦИК от 12 июня 1918 года входило «оказание помощи местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков» (Собрание указаний, 1942: 584). При этом практика была такова, что 25 процентов изъятых продовольствия оставалось в их распоряжении. Имущество помещиков и кулаков отчуждалось и поступало в пользование организуемых в те годы коммун, жизнь в которых была, построена как правило, на принципах уравнительного коллективизма.

Время показало неэффективность курса на коммунализацию жизни. Но и с переходом к нэпу ситуация в городе и особенно в деревне продолжала оставаться крайне напряженной. Деревенская беднота и исполнительные органы на местах продолжали считать, будто бы отказ от раскулачивания и нажима на середняка есть не что иное, как забвение их интересов – главной опоры Советской власти в деревне. Не случайно, Сталин уже на XIV съезде ВКП(б) отметил, что не только бедноте, «но и некоторым коммунистам показалось, что отказ от раскулачивания и административного нажима есть отказ от бедноты, забвение ее интересов». (Сталин, 1947: 332). Если задать вопрос коммунистам, продолжал Сталин, к чему сейчас больше готова партия, «я, думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только – и мигом разденут кулака». (Сталин, 1947: 333).

Не думаю, что Сталин был предельно искренним, когда в декабре 1925 года критиковал «уродливые формы администрирования» и «иждивенческую психологию» бедноты, «бедняцкие иллюзии». Но будучи реалистом и в высшей степени прагматиком в политике, он в борьбе за власть учитывал настроения беднейших слоев населения, ожидающих от партии

немедленного улучшения жизни. Сегодня мы почему-то об этом не вспоминаем. Но факт остается фактом. Городские безработные, неквалифицированный пролетариат и, конечно, многомиллионная сельская беднота, чье хозяйство имело преимущественно натуральный характер, были недовольны нэпом, который обострил в связи с развитием товарно-денежных отношений дифференциацию населения по уровню жизни.

Именно эти слои выступали с позиции уравнилельного коллективизма, ратовали за нетоварную экономику и государственный «порядок», за формальное обобществление частной собственности нэпманов и кулаков, надеясь, по словам того же Сталина, «на ГПУ, на начальство, на что угодно, только не на себя» (Сталин, 1947: 333). Именно из их числа – малограмотных, но в большинстве своем, безусловно, преданных делу «мировой революции» – пополнялись партийные ряды, в которых гражданская война, разруха и голод пробрили к тому времени громадные бреши. За годы гражданской войны численность самого передового отряда пролетариата – фабрично-заводских рабочих – сократилась с 2,6 миллиона человек (1917 год) до 1,2 миллиона (1920 год) – то есть более, чем в два раза. (Советский рабочий класс, 1975: 128-129). Сотни предприятий были закрыты, и рабочие в поисках куска хлеба покидали города. В канун 1921 года Советская республика и ее опора – рабочий класс находились в критическом положении. «Враг – обыденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг – мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас как воздух и проникает очень сильно в ряды пролетариата. А пролетариат деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи», – отмечал Ленин. (Ленин 1969d: 103).

Разумеется, серьезные изменения в структуре рабочего класса, миграция после введения и расцвета нэпа сельских жителей в города и в этой связи общее оживление всех мелкобуржуазных элементов в стране не могли не сказаться на социальном составе партии, ее общей и политической культуре, нравственных качествах. Предвидя опасность возможной депролетаризации большевистской партии, проникновения в ее ряды политически неграмотных или же нравственно и идеологически нестойких людей, Ленин предупреждал: «Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы... С другой стороны, так же несомненно, что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике. Далее, надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский... Если Генуэзская конференция даст нам новый политический успех, то напор в партию элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому возрастет в гигантских размерах» (Ленин, 1969e: 19).

К сожалению, эти, как и многие другие предостережения Ленина, не были услышаны высшим партийным руководством. После его смерти некоторые «горячие головы» из числа ответственных партработников, которым «не хватало культурности»,* стали предлагать в один-два года принять в партию до 90 % всех (промышленных и сельскохозяйственных) рабочих страны (так называемый «ленинский призыв»). Но, несмотря на то, что Сталин иронизировал по этому поводу, заявляя: «товарищи не рассчитали и попали впросак с цифрой 90 %» (Сталин, 1947: 347), видимо, именно с его «легкой» руки партийные ряды стали расти небывало быстрыми темпами. Начиная с апреля 1924 года число членов партии (446 тысяч человек) увеличилось за полтора года более чем в два раза и достигло в ноябре 1925 года 1025 тысяч человек. Эти цифры Сталин с удовлетворением огласил на XIV съезде ВКП(б), и он же в 1930 году одобрительно оценивал такие факты, как заявления рабочих о вступлении в партию целыми цехами и заводами, рост числа членов партии в промежутке от XV съезда до XVI съезда более чем на 600 тысяч человек, вступления в партию за первый лишь квартал этого года 200 тысяч новых членов (Сталин, 1947a: 344).

* «Чего же не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет» (Ленин, 1969e: 96).

Теперь мы знаем, во что обошлись народу индустриализация и коллективизация. Но в конце 1920-х годов, когда партия пополнилась новым составом коммунистов, которые в большинстве своем лишь понаслышке знали, кто такие Каменев, Зиновьев или, например, Бухарин, когда обострились трудности с хлебозаготовками, и в связи с этим и в городе, и в деревне стали раздаваться голоса, требующие «прикрыть» НЭП, тогда социально-психологическая атмосфера в стране была принципиально иной. «Мировая революция» запаздывала. Измученный нищетой, карточной системой, биржами труда народ ждал от партии и правительства наглядных свидетельств преимуществ нового строя, грандиозных планов. И готов был взяться за их выполнение. И многое из намеченного было выполнено. Главное – удалось возвести культурно-исторический фундамент новой советской цивилизации.

К сожалению, я не могу подробно разбирать все перипетии и просчеты ее формирования. Отмечу лишь, что начиная 1930-х годов разрабатываемая под идеологическим прикрытием «интернационализма» реальная *политика государства была переориентирована на формирование новой политически интегрированной «исторической общности»*. В русле стратегии ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения) и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно-коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования новой политической общности – «советского народа».

Важная, а быть может и ведущая, роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже телевидению. Начиная с 1918 года по всей стране возводились (иногда на прежних постаменты) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А.Н. Толстого, М.А. Шолохова, К.А. Федина, поэзией В.В. Маяковского и А.Т. Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые с точки зрения власти составляли гордость нового Отечества. Слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, не случайно названной Великой Отечественной войной.

Либерализация политического режима после смерти Сталина не могла ликвидировать действительное отчуждение трудящихся от власти, плодов экономического и духовного производства. Скорее, она закрепляла это отчуждение, скрывая под идеологическим флером реальное положение дел. В конце концов растущий день ото дня прессинг официальной идеологии, выдававшей желаемое за действительное, породил в обществе недоверие к провозглашаемым с высоких трибун лозунгам и обещаниям. И чем громче раздавались призывы к движению за «коммунистическое отношение к труду», «активную жизненную позицию» и т.п., тем больше под определяющим воздействием негуманного бытия массовое сознание отторгало их, заменяя иными, отнюдь не коммунистическими ценностями и идеалами.

«Никогда еще, пожалуй, столько сил и средств не бросалось на то, чтобы внедрить идеологию в жизнь, как во времена Застоя. И никогда еще экспансия эта не была столь бесплодной. Ей никто не оказывал сопротивления, но она наткнулась на глухую стену равнодушия и апатии, способную устоять перед любым штурмом и выдержать самую длительную осаду», – весьма точно характеризовал ситуацию в обществе на рубеже 80-х годов И. Клямкин (Клямкин, 1989: 235). Скепсис, равнодушие и социальная апатия, потребительские иждивенческие настроения и идеалы, дефицит духовности и нрав-

ственности – наиболее характерные приметы «застойного» в сравнении с предшествующим времени. Не случайно и движение за обновление общества, его "перестройку" у нас началось не «снизу», а «сверху». И закончилось оно весьма плачевно: развалом СССР и утверждением на его руинах модели неуправляемого «дикого капитализма», последствия торжества которого не изжиты до сих пор.

Заключение

Современная Россия, безусловно, наследует "советской цивилизации". Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она представляет собой *цивилизационную псевдоморфозу*, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и современности. Сформированная в последние годы политическая система хорошо управляемой "демократии" и плохо управляемого олигархического "капитализма" не решают задачи выхода страны в число развитых стран мира (на путь модерного прогресса). Многие исследователи объясняют это тем, что руководство страны не собиралось и не собирается проводить системную модернизацию по европейским лекалам, предполагающую в качестве необходимой составляющей реальную демократию, политическую конкуренцию и свободный от власти чиновничества рынок. Скорее всего, они правы. В силу цивилизационных особенностей в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: - социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, показывают исследователи, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ (Гранин, 2018; Гранин, 2014).

Наши федеральная и региональные элиты, в практиках которых все больше проступают феодальные черты, больше всего боятся потерять привилегии, а руководство страны – ослабления «властной вертикали», скрепляющей ассиметричную РФ. Последняя, действительно, до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Судя по моим наблюдениям, именно этого больше всего боится власть, из года в год увеличивая финансирование армии и силовых ведомств. Поэтому в обозримом будущем не стоит ждать либерализации курса. Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления. Важно, чтобы этот авторитаризм, был авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны, развитие образования и науки.

Литература

- Булгаков, 1987 – Булгаков М. Собачье сердце // *Знамя*. 1987. №6. С. 94-148.
- Горький, 1922 – Горький М. О русском крестьянстве / Изд. И.П. Ладыжникова. Берлин, 1922.
- Дзержинский, 1977 – Дзержинский Ф.Э. Избр. произведения в двух томах. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1977.
- Гранин, 2018 – Гранин Ю.Д. Идеология постмодернизма и ее влияние на трансформацию языка социальных наук // *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Электронный журнал*. 2018. Выпуск 5. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-5
- Гранин, 2014 – Гранин Ю.Д. Желтые пятна на мантии российского телевидения // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2014. №2(14). С.60-74.
- Гранин, 2013 – Гранин Ю.Д. "Глобализация" или "вестернизация"? // *Свободная мысль*. 2013. № 1 (1637). С. 51-64.
- Гранин, 2007 – Гранин Ю.Д. Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий // *Философские науки*. 2007. №9. С.1-27.
- Гранин, 2006а – Гранин Ю.Д. Роль образования в формировании российской нации // *Высшее образование в России*. 2006. №10. С. 150-156.
- Гранин, 2006б – Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм // *Философские науки*. 2006. №7. С. 5-23.

- Гранин, 2003 – Гранин Ю.Д. Национальное государство и самоопределение наций // *Свободная мысль*. 2003. №9. С. 82-93.
- Гранин, 1994 – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль*. 1994. №2-3. С. 32-39.
- Дзержинский, 1977 – Дзержинский Ф.Э. Избр. произведения в двух томах. Изд. 3-е, т. 2. М., 1977.
- Клямкин, 1989 – Клямкин И. Почему трудно говорить правду. Выбранные места из истории одной болезни // *Новый мир*. 1989. № 2. С. 207-226.
- Ленин, 1969a – Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 33.
- Ленин, 1969b – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
- Ленин, 1969c – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43.
- Ленин, 1969d – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44.
- Ленин, 1969e – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
- Маркс, Энгельс, 1955 – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
- Партия и перестройка, 1988 – *Партия и перестройка*. «Круглый стол» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // *Правда*. 1988, 14 июня.
- Покровский, 1929 – Покровский М.Н. Октябрьская революция: Сборник статей. М., 1929.
- Собрание указаний, 1942 – Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1918 год. М., 1942.
- Советский рабочий класс, 1975 – Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917–1973). М., 1975.
- Сталин, 1947 – Сталин И. Соч. в 12 томах. Т. 7.
- Сталин, 1947a – Сталин И. Соч. Т. 12.
- Сурков, 2018 – Сурков В. Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. 9 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477>
- Философия коммуникации, 2017 – Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты. СПб: Изд-во Политехнического университета. 2017.
- Федотова, 2009 – Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // *Вопросы философии*. 2009. №12. С.3-18.
- Щетинов, 1989 – Щетинов Ю. Всевластие Сталина // *Ветеран*. 1989. № 5. С. 7-8.
- Яковенко, 1995 – Яковенко И. Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки сегодня*. 1995, № 4,5. [Электронный ресурс]. URL: <http://varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko2.html#p2>

References

- Bulgakov, 1987 – Bulgakov M. (1987). Sobach'e serdtse [Heart of a Dog]. *Znamya*. №6. pp. 94-148. [in Russian]
- Gor'kii, 1922 – Gor'kii M. (1922). O russkom krest'yanstve [On the Russian Peasantry]. Izd. I.P. Ladyzhnikova. Berlin. [in Russian]
- Dzerzhinskii, 1977 – Dzerzhinskii F.E. (1977). Izbr. proizvedeniya v dvukh tomakh [Selected works in two volumes]. Izd. 3-e. Т. 2. М.
- Granin, 2018 – Granin Yu.D. (2018). Ideologiya postmodernizma i ee vliyanie na transformatsiyu yazyka sotsial'nykh nauk [The ideology of postmodernism and its influence on the transformation of the language of social sciences]. *Gumanitarnyi vestnik MGTU im. N.E. Baumana. Elektronnyi zhurnal*. Vypusk 5. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-5 [in Russian]
- Granin, 2014 – Granin Yu.D. (2014). Zheltye pyatna na mantii rossiiskogo televideniya [Yellow spots on the mantle of russian television]. *Zhurnal'ist. Sotsial'nye kommunikatsii*. №2(14). pp. 60-74. [in Russian]
- Granin, 2013 – Granin Yu.D. (2013). "Globalizatsiya" ili "vesternizatsiya"? ["Globalization" or "Westernization"?]. *Svobodnaya mysl'*. № 1 (1637). pp. 51-64. [in Russian]
- Granin, 2007 – Granin Yu.D. (2007). Globalizatsiya i natsional'nye formy globalizatsionnykh strategii [Globalization and national forms of globalization strategies]. *Filosofskie nauki*. №9. pp. 1-27. [in Russian]

- Granin, 2006a** – Granin Yu.D. (2006). Rol' obrazovaniya v formirovaniy rossiskoi natsii [The role of education in the formation of the Russian nation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. №10. pp. 150-156. [in Russian]
- Granin, 2006b** – Granin Yu.D. (2006). Globalizatsiya i natsionalizm [Globalization and nationalism]. *Filosofskie nauki*. №7. pp. 5-23. [in Russian]
- Granin, 2003** – Granin Yu.D. (2003). Natsional'noe gosudarstvo i samoopredelenie natsii [The national state and the self-determination of nations]. *Svobodnaya mysl'*. №9. pp. 82-93. [in Russian]
- Granin, 1994** – Granin Yu.D. (1994). Vlast' i ekologicheskoe soznanie [Power and environmental consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. №2-3. pp. 32-39. [in Russian]
- Dzerzhinskii, 1977** – Dzerzhinskii F.E. (1977). Izbr. proizvedeniya v dvukh tomakh [Selected works in two volumes]. Izd. 3-e, t. 2. M. [in Russian]
- Klyamkin, 1989** – Klyamkin I. (1989). Pochemu trudno govorit' pravdu. Vybrannye mesta iz istorii odnoi bolezni [Why is it difficult to tell the truth. Selected places from the history of one disease]. *Novyi mir*. № 2. pp. 207-226. [in Russian]
- Lenin, 1969a** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch [Complete set of works]. M.: Politizdat, T. 33. [in Russian]
- Lenin, 1969b** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. T. 36. [in Russian]
- Lenin, 1969c** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. T. 43. [in Russian]
- Lenin, 1969d** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. T. 44. [in Russian]
- Lenin, 1969e** – Lenin V.I. (1969). Poln. sobr. soch [Complete set of works]. T. 45. [in Russian]
- Marks, Engel's, 1955** – Marks K., Engel's F. (1955). Soch. [Works]. T. 42. [in Russian]
- Partiya i perestroika, 1988** – Partiya i perestroika. «Kruglyi stol» v Institute marksizma-leninizma pri TsK KPSS [The Party and Perestroika. "Kruglyi stol" at the Institute of Marxism-Leninism at the Central Committee of the CPSU]. Pravda. 1988, 14 iyunya. [in Russian]
- Pokrovskii, 1929** – Pokrovskii M.N. (1929). Oktyabr'skaya revolyutsiya: Sbornik statei [October Revolution: Collection of articles]. M. [in Russian]
- Sobranie ukazanii, 1942** – Sobranie ukazanii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1918 god [Collection of instructions and orders of the worker and peasant government for 1918]. M., 1942. [in Russian]
- Sovetskii rabochii klass, 1975** – Sovetskii rabochii klass. Kratkii istoricheskii ocherk (1917–1973) [Soviet working class. A brief historical sketch (1917-1973)]. M., 1975. [in Russian]
- Stalin, 1947** – Stalin I. (1947). Soch. [Works]. v 12 tomah. T. 7. [in Russian]
- Stalin, 1947a** – Stalin I. Soch. [Works]. T. 12. [in Russian]
- Surkov, 2018** – Surkov V. (2018). Odinochestvo polukrovki [Loneliness of half-breed]. Rossiya v global'noi politike. 9 aprelya 2018 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> [in Russian]
- Filosofiya kommunikatsii, 2017** – Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskie aspekty [Communication Philosophy. Theoretical and methodological aspects]. SPb: Izd-vo Politekhnikeskogo universiteta. 2017. [in Russian]
- Fedotova, 2009** – Fedotova V.G. (2009). Rossiiskaya istoriya v zerkale modernizatsii [Russian history in the mirror of modernization]. *Voprosy filosofii*. №12. pp. 3-18. [in Russian]
- Shchetinov, 1989** – Shchetinov Yu. (1989). Vsevlastie Stalina [Absolute power of Stalin]. *Veteran*. № 5. pp. 7-8. [in Russian]
- Yakovenko, 1995** – Yakovenko I. (1995). Tsivilizatsiya i varvarstvo v istorii Rossii [Civilization and Barbarism in the History of Russia]. *Obshchestvennye nauki segodnya*. № 4,5. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko2.html#p2> [in Russian]

Цивилизационная специфика советской и современной России

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а, *}

^а Институт философии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется проблема цивилизационной принадлежности России. Она решается на основе использования авторской (институциональной) версии цивилизационного подхода. Согласно ей, история досоветской России имела три цивилизационных воплощения: "православную цивилизацию", "гибридную цивилизацию современного типа" империи Романовых и "советскую цивилизацию", представляющую особый тип индустриального развития. Анализируются объективные и субъективные предпосылки ее формирования в форме "административно – командной" ("партийно-государственной") модели социализма, причины ее поддержки большинством членов партии и значительной частью народа. Такова специфика перехода к социализму всех обществ аграрного и аграрно-индустриального типа, с присущими им неразвитыми демократическими традициями и институтами, экономикой и низким культурным уровнем большинства трудящихся. Современная Россия, безусловно, наследует "советской цивилизации". Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она представляет собой *цивилизационную псевдоморфозу*, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и современности.

Ключевые слова: большевизм, государство, демократия империи, модернизация, социализм, цивилизация.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)